

Е.М. Варпаховская

**ПОЛИСЕМИЧНОСТЬ ЯВКИ С ПОВИННОЙ
В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В научной статье исследованы некоторые вопросы, связанные с правовым регулированием института явки с повинной в российском уголовно-процессуальном законодательстве, а также вопросы ее применения в правоприменительной практике. Обращено внимание, что российское законодательство в зависимости от отрасли правового регулирования (уголовного и уголовно-процессуального) вкладывает разную смысловую нагрузку в понятие явки с повинной. Поскольку нормы указанных отраслей права на практике применяются во взаимосвязи, то следователи, дознаватели, прокуроры, судьи перестают обращать внимание на разную смысловую нагрузку этого понятия, в результате при разрешении уголовного дела возникают трудности, связанные с оценкой явки с повинной. В статье поднимаются проблемы культуры правовых актов при изложении тех или иных нормативных положений в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Предпринята попытка обосновать значимость четкого изложения правовых норм, касающихся применения явки с повинной в ходе уголовного судопроизводства с высказыванием конкретных предложений по редактированию соответствующих норм УПК РФ, что, по мнению, автора, будет способствовать беспрепятственному применению практическими работниками.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, явка с повинной, многозначность явки с повинной, доказательства, проблемы применения.

Е.М. Varpakhovskaya

**POLYSEMY OF VOLUNTARY SURRENDER AND ADMISSION OF GUILT
IN THE PRACTICE OF RUSSIAN CRIMINAL COURTS**

The author examines some aspects of legal regulation of the institute of voluntary surrender in Russian criminal procedure legislation as well as the issues of the practice of its enforcement. It is stressed that, depending on the branch of legal regulation (criminal and criminal procedure), Russian legislation ascribes different meaning to the concept of voluntary surrender. Since the norms of the above-mentioned branches of law are, in practice, used in combination, investigators, detectives, prosecutors and judges stop paying attention to different meanings within this concept and, as a result, there are some difficulties connected with the assessment of voluntary surrender in the judgment of a criminal case. The author raises the issue of the culture of legal acts in the presentation of some normative clauses of Russian criminal procedure legislation. The author also attempts to prove the significance of a clear presentation of legal norms connected with voluntary surrender during criminal proceedings and gives specific recommendations on amending the corresponding norms of the Criminal

Procedure Code of the Russian Federation, which will contribute to the problem-free enforcement practice.

Keywords: criminal procedure, voluntary surrender and admission of guilt, polysemy of voluntary surrender, proof, enforcement problems.

Общеизвестно, что уголовно-процессуальная деятельность представляет собой особый вид государственной деятельности, связанный с рассмотрением сообщений о преступлениях, расследованием и разрешением уголовных дел. В связи со спецификой содержания данного вида деятельности, уполномоченные государственные органы и должностные лица при ее осуществлении руководствуются нормами законов и иных соответствующих нормативно-правовых актов. Тексты законов, иных нормативно-правовых актов, в том числе регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, и принятые в соответствии с ними процессуальные решения, отраженные в процессуальных документах, непременно содержат специальные правовые термины. Эти термины раскрывают те или иные понятия, предписывают совершать определенные правовые действия, что является важным средством профессиональной коммуникации соответствующих участников уголовного судопроизводства. Поэтому содержащиеся в законах, в нашем случае – в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) – термины играют важную роль в правоприменительной практике для совершения процессуальных действий и принятия решений, соответствующих закону.

Заметим, что в задачи данного исследования не входит глубокое и всестороннее изучение понятия и содержания слова «термин». Тем не менее, для полноты исследования представляется целесообразным затронуть некоторые аспекты, связанные с определением указанного понятия.

В словарях русского языка даются более простые, обобщенные понятия исследуемого слова: «Термин – это слово или словосочетание, название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства» [1, с. 795]. В научных трудах ученые-филологи в разные времена предлагали и предлагают более сложные определения рассматриваемого понятия: «термин представляет собой точно соответствующее обозначаемому понятию устойчивое, моносемичное, то есть однозначное по своему значению и соотношенное с другими терминами внутри данной отрасли терминологии слово или словосочетание, характеризующееся унифицированным употреблением его в данной отрасли терминологии» [2, с. 57], или «термин – это лексико-семантическая единица, выступающая в дефинитивной функции и отличающаяся строго системным характером, однозначностью, отсутствием синонимов и омонимов в пределах данной науки или отрасли знаний» [3, с. 3]. Последние видятся более удачными, в том числе, для использования в нормативно-правовых актах, поскольку в качестве отличительного признака указывают на однозначность (моносемичность) содержания термина.

Если обратимся к исследованию вопроса о понятии и содержании юридического термина, то увидим, что в научной литературе большинство авторов по-

лагают, что юридический термин это «словесные обозначения понятий, используемые при изложении содержания закона (иного нормативного юридического акта)» [4, с. 107] или «это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщённым наименованием юридического понятия, имеющего точный и определённый смысл и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [5, с. 65]. Иными словами, отличительными признаками юридического термина являются его использование в правовой сфере, передающее суть того или иного понятия; точность словесного обозначения соответствующего юридического понятия, однозначность его восприятия в рамках юридического языка.

Теперь обратимся к исследованию содержания термина «явка с повинной», используемого в российском законодательстве и правоприменительной деятельности. Данный термин содержится в нескольких законах. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) явка с повинной изначально указана в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (п. и ч. 1 ст. 61). Термин «явка с повинной» и производный от него «явилось с повинной» используется законодателем и в других нормах УК РФ: ч. 1 ст. 75 – в качестве условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 83 – для решения вопроса о возобновлении течения срока давности. Определения явки с повинной в данном законе не дано.

Термин «явка с повинной» применяется и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Прежде всего, законодатель указывает его (именно как «явка с повинной») в качестве повода к возбуждению уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). В дальнейшем законодатель оперирует несколькими отличающимися словами в наименовании этого термина. Так, ст. 142 УПК РФ имеет название «Явка с повинной», а в содержании этой правовой нормы используется иное словосочетание – «заявление о явке с повинной». Представляется такой подход к правовому регулированию применения термина «явка с повинной» в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации не корректен ни с позиции юридической техники (когда одному понятию соответствует один термин), ни с позиции характеристики его содержания, раскрываемого в ст. 142 УПК РФ, где усматриваются некая тавтология. В частности, заявление о явке с повинной в ст. 142 УПК РФ определяется через сообщение о преступлении, а из анализа ст. 140 УПК РФ следует, что явка с повинной относится к одному из поводов к возбуждению уголовного дела, который, по сути, является сообщением о преступлении. В связи с чем, справедливым представляется высказывание В. Ю. Туранина: «Термин – это не только представитель понятия, но и средство установления его связей, передачи и адекватного восприятия информации, заложенной в нем. Точность передачи сущности понятия заключается в истинности его отражения. Поэтому в идеале каждый юридический термин должен соответствовать обозначаемому понятию, выражать его сущность» [6, с. 106].

С учетом указанного выше представляется целесообразным внести корректировку в содержание ст. 142 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «1. Явка с повинной – добровольное заявление (сообщение) лица о совершенном

им преступлении, которое может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. 2. Явка с повинной, сделанная в устном виде принимается и заносится в протокол в порядке, установленном частью третьей статьи 141 настоящего Кодекса».

Переходя к анализу российской правоприменительной практики уголовного судопроизводства, в ходе которой используется термин «явка с повинной», необходимо отметить, что, безусловно, «явка с повинной» применяется как повод к возбуждению уголовного дела в соответствии с положениями ст. 140, 142 УПК РФ. Но следует отметить, что не только в этом значении. Широкое распространение на практике в настоящее время получило использование явки с повинной в качестве доказательств при расследовании и разрешении уголовных дел.

Заметим, что практика использования явки с повинной в качестве доказательств в российском уголовном судопроизводстве сформировалась не быстро и не просто. Первое время, после вступления УПК РФ в действие, правоприменительная практика складывалась неоднозначно: в одних регионах явку с повинной считали доказательством, государственные обвинители ссылались на нее в судебном разбирательстве, и суды указывали ее в приговорах, в других – при принятии решений по уголовным делам явку с повинной не оценивали как доказательство.

Такой противоречивой практике способствовали не только соответствующие нормы главы 19 УПК РФ, но и неоднозначные решения высших судебных инстанций Российской Федерации по данному вопросу. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 14 октября 2004 г. № 326-О указал: «Ст. 142 УПК Российской Федерации раскрывает понятие явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела и не касается регламентации порядка и условий использования ее судом в качестве доказательства»¹. Однако Верховный Суд Российской Федерации в этом же году в определении Судебной коллегии по уголовным делам от 16 июля 2004 г. № 89-О констатировал, что «явка с повинной в судебном разбирательстве может оцениваться в совокупности с другими доказательствами»², тем самым, допуская возможность ее использования в качестве доказательств. В результате во многих регионах нашей страны правоприменительная практика стала формироваться с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации, суды все чаще стали исследовать явку с повинной как доказательство при рассмотрении уголовного дела в суде, чаще всего в ситуациях, когда подсудимый менял свои показания в ходе судебного разбирательства.

В дальнейшем ситуация с оценкой и использованием российскими судами явки с повинной в качестве доказательств стала меняться в сторону ее признания

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 окт. 2004 г. № 326-О // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 89-О04-29сп // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6. С. 30.

в качестве доказательств, в том числе, в связи с принятием Европейским Судом по правам человека ряда решений в отношении Российской Федерации, в которых было обозначено, что явки с повинной, которые впоследствии были положены в основу обвинительных приговоров, «...были написаны в отсутствие защитников и при обстоятельствах, позволяющих сомневаться в их добровольном характере, они могли появиться под принуждением, что представляет собой нарушение п. 1 и пп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод...»³.

Изучив данные решения Европейского Суда по правам человека, следует отметить, что Европейский Суд при применении термина «явка с повинной» допускает подмену понятий. В рассмотренных им жалобах граждан Российской Федерации Лопаты, Турбылева, Шлычкова по данным уголовным делам явка с повинной не являлась поводом к возбуждению уголовного дела. Во всех этих случаях имели место ситуации, когда после задержания этих лиц в рамках возбужденных и расследуемых уголовных дел сотрудники полиции добивались от них признательных показаний в совершении преступлений, оформляя полученные таким путем показания в виде «явки с повинной». Хотя, по сути, в указанных случаях имело место чистосердечное признание, сделанное обвиняемыми при производстве по уголовному делу.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывал правовую позицию о том, что статья 142 УПК Российской Федерации раскрывает понятие заявления о явке с повинной как добровольного устного или письменного сообщения лица о совершенном им преступлении. Данная статья не содержит положений, на основе которых ограничивались бы свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения лица, делающего заявление о явке с повинной, а потому не предполагает присутствия при этом адвоката, однако и не исключает право лица сделать такое сообщение в присутствии адвоката»⁴.

³ См. напр., Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 июля 2010 г. «Лопата (Lopata) против Российской Федерации» (жалоба № 72250/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 2. С. 112–135; Постановление Европейского Суда по правам человека от 06 окт. 2015 г. «Турбылев против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 2 (38); Постановление Европейского Суда по правам человека от 09 февр. 2016 г. «Шлычков против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 11 (173).

⁴ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савенко Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 91, 92 и 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1280-О // СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богатырева Игоря Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2014 г. № 638-О // СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симонова Сергея Корнеевича на нарушение его

Как видим, постепенно факт добровольной подачи лицом заявления о совершенном им преступлении (явки с повинной) стал оцениваться высшими судебными инстанциями с позиции обеспечения этому лицу права на защиту в момент подачи явки с повинной. Поскольку в указанных выше решениях Конституционный Суд Российской Федерации признал возможность участия адвоката при подаче явки с повинной, следователи, дознаватели все чаще стали обеспечивать участие адвоката при подаче явки с повинной.

В 2013 г. в связи с введением сокращенной формы дознания в ст. 144 УПК РФ, регламентирующую процессуальную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела были внесены изменения⁵, в соответствии с которыми «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе, права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга..., пользоваться услугами адвоката» (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ).

Очевиден факт, что новая редакция ст. 144 УПК РФ обусловлена особенностями правового регулирования производства дознания в сокращенной форме, однако, она получила расширительное толкование и применение на практике, повлекшее практически повсеместно участие адвоката при подаче явки с повинной и оценку явки с повинной в качестве доказательства по уголовному делу. Такую практику поддержал и Верховный Суд Российской Федерации, указав «...в тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований части 1¹ статьи 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката... была ли обеспечена возможность осуществления этих прав»⁶.

Более того, в январе 2019 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, в котором предлагается «внести изменения в УПК РФ в части оформления и представления заявления о явке с повинной или оформления соответствующего протокола только в присутствии защитника. В случае принятия заявления о явке с повинной или оформления соответствующего протокола без участия защитника должны применяться средства видеозаписи хода

конституционных прав статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 окт. 2014 г. № 2380-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁵О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁶О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

сообщения лица о совершенном им преступлении. В случае нарушения этих требований заявление или протокол о явке с повинной будут признаны недопустимыми доказательствами при рассмотрении уголовного дела»⁷.

Очевиден факт все большего признания явки с повинной в качестве доказательств в российском уголовном судопроизводстве, но при соблюдении определенных условий: если при ее принятии лицу были разъяснены и обеспечены право на участие защитника и право не свидетельствовать против себя и своих близких.

Однако в связи с особенностями российского уголовно-процессуального законодательства, систематизировавшего источники доказательств, нерешенным остается вопрос, к какому из них следует относить явку с повинной. Анализ ч. 2 ст. 74 УПК РФ позволяет прийти к выводу о возможности отнесения явки с повинной к показаниям соответствующих лиц, которые добровольно сообщили сведения о совершенном ими преступлениях и обстоятельствах совершения преступлений, или к иным документам.

Представляется, что к такому источнику доказательств, как показания подозреваемого, обвиняемого явку с повинной относить не следует, поскольку, во-первых, в момент ее подачи у лица отсутствует процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого; во-вторых, как было проанализировано выше, закон устанавливает, что показания подозреваемого, обвиняемого могут быть получены при их допросе (ст. 76, ч. 1 ст. 77 УПК РФ), который возможен только после возбуждения уголовного дела.

Следовательно, логично заключить, что явку с повинной в системе российских доказательств целесообразно относить к иным документам (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), что соответствует содержанию данного понятия: «Документ – это материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве» [7, с. 157]. Т. е. если явка с повинной выполнена в письменном виде и подана лицом, ее составившим, сомнений не возникает, это документ. Однако при подаче явки с повинной в устной форме, лицо, сообщающее о совершенном им преступлении, явку с повинной не составляет, документ в виде протокола принятия явки с повинной составляет соответствующее должностное лицо. В связи с чем, отдельные авторы предлагают все-таки считать это документом, но для оценки ее доказательственного значения в судебном заседании – вызывать и допрашивать должностное лицо, составившее протокол принятия явки с повинной [8].

Представляется, что с учетом содержания упомянутого выше законопроекта, касающегося явки с повинной, необходимость в допросе должностных лиц, принимающих явку с повинной в устном виде, отпадает. Очевидно, законодатель пойдет по пути совершенствования норм УПК РФ о явке с повинной в части ее подачи и принятия, а также закрепления ее значения как доказательства в уголовном судопроизводстве.

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект федер. закона от 23 янв. 2019 г. № 631546-7 // МВД России. М., 2019. URL: <https://77.мвд.рф/documents/проекты-федеральных-законов/item/15825690/>.

Итак, российское законодательство в зависимости от отрасли правового регулирования (уголовное или уголовно-процессуальное) вкладывает разную смысловую нагрузку в понятие явки с повинной, что влечет проблемы в правоприменительной практике. Более того, в рамках уголовно-процессуального законодательства, несмотря на определение явки с повинной в качестве повода к возбуждению уголовного дела, правоприменительная практика использует ее также в качестве доказательств при рассмотрении уголовных дел в судах, чему способствуют решения высших судебных инстанций Российской Федерации. В связи с чем целесообразно скорректировать соответствующие нормы УПК РФ для того, чтобы трактовка термина явки с повинной не вызывала многозначность в его толковании и применении, поскольку юридический термин должен четко соответствовать обозначаемому понятию, выражать его сущность.

Список использованной литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. перераб. и доп. – Москва : Азбуковник, 2006. – 938 с.
2. Баскаков Н.А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР / Н.А. Баскаков // Вопросы терминологии : материалы Всесоюз. терминолог. совещания, Москва, 25–29 мая 1959 г. – Москва, 1961. – С. 55–70.
3. Герд А.С. Значение термина и научное знание / А.С. Герд // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1991. – № 10. – С. 1–4.
4. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 710 с.
5. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. – Москва : Юрид. лит., 1990. – 192 с.
6. Туранин В.Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса / В.Ю. Туранин // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – Вып. 1. – С. 103–109.
7. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова [и др.]. – Москва : Инфра-М, 2001. – 790 с.
8. Афанасьев А.Г. Протокол явки с повинной – как доказательство // Праворуб. URL:<https://pravorub.ru/articles/46524.html>.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 2006. 938 p.
2. Baskakov N.A. The Current State of Terminology in the Languages of the Peoples of the USSR. *Voprosy terminologii. Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya, Moskva, 25–29 maya 1959 g.* [Terminology Issues. Materials of All-Russian Terminology Meeting, Moscow, May, 25-29, 1959]. Moscow, 1961, pp. 55–70. (In Russian).

3. Gerd A. S. The meaning of the term and scientific knowledge. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2 = Scientific and Technical Information. Series 2*, 1991, no. 10, pp. 1–4. (In Russian).

4. Alekseev S.S. *Pravo: azbuka-teoriya-filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC-Theory-Philosophy: Experience of Complex Research]. Moscow, Statut Publ., 1999. 710 p.

5. Pigolkin A.S. (ed.). *Yazyk zakona* [The Language of Law]. Moscow, Yuridicheskayaliteratura Publ., 1990. 192 p.

6. Turanin V.Yu. On the Use of Terms and Concepts within the Legal Discourse. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science Arts Culture*, 2017, iss. 1, pp. 103–109. (In Russian).

7. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. [et al.]. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [A Great Legal Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 790 p.

8. Afanasiev A.G. The protocol of voluntary surrender as proof. *Pravorub*. Available at: <https://pravorub.ru/articles/46524.html>. (In Russian).

Информация об авторе

Варнаховская Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1; e-mail: irkpr@irmail.ru

Information about the author

Varpakhovskaya, Elena M. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Head, Chair of the Organization and Methodology of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Shevtsova st., 1, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: ipkpr@irmail.ru